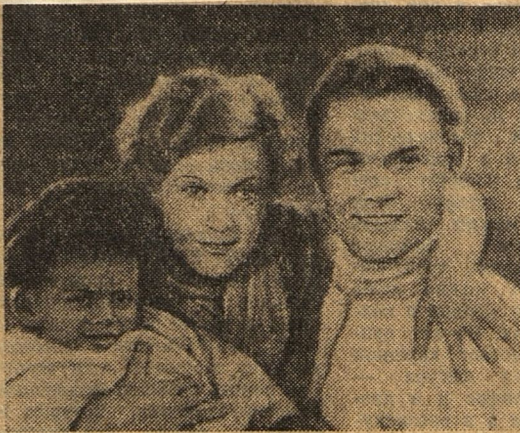

Помните, как в фильме «Цирк» передают из рук в руки маленького негртенка, который в конце концов засыпает, убаюканный доброй русской женщиной? Этот американский мальчик, конечно же, давно вырос, стал известным поэтом и переводчиком. Его имя Джемс Паттерсон. Как и в фильме, Советская страна для него вторая родина. Здесь он учился, стал моряком, начал писать стихи, рассказы...

Совсем недавно Д. Паттерсон ездил по Югу США, побывал на родине отца. Вернувшись в Москву, он написал очерк, в котором делится своими впечатлениями о «черном поясе» Америки — негритянском Юге страны.

✓ ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ АМЕРИКАНСКОГО ЮГА

Весь американский Юг и в наши дни называют Дикси. А название это происходит от названия песни.

Навязчивый мотив «Дикси» навистывал, покачиваясь в плетеной качалке на веранде своего дома президент Конфедерации Джефферсон Дэвис. Кстати сказать, и теперь на Юге отмечают официальный праздник его имени.

Эта песенка придала решимость шизофренику — актеру Джону Уилксу Буту, намеревавшемуся выстрелить в затылок президенту Линкольна, который сидел в театральной ложе.

Даже в ежедневных телевизионных программах, передающихся по многочисленным каналам, в бессмысленных перебивках и повторах реклам, порой низводящих все до потребительского уровня, есть что-то от «Дикси».

И в нашем гостиничном номере на десятом этаже нью-орлеанского отеля, расположенного по соседству со старым французским кварталом, мне чудится приглушенное звучание «Дикси»: в натажении крупной стальной цепи, прикрепленной к потолку и удерживающей старинную полувесную лампу с желтым круглым абажуром, и в застывшей жестости литых металлических набалдашников на спинках массивных кроватей.

«Дикси» ложится перцовым пластырем на чью-то совесть. Песенка эта останавливает, предупреждает, заставляет замкнуться в себе, как пристальный взгляд полицейского из проезжающей мимо патрульной машины.

Дикси.

Река подступала со всех сторон молчаливая, величественная, плывущая в памяти моей, словно песчаные откосы. Она вливалась в мою кровь густая, как тембр голоса Робсона, и текла вся переливающаяся рассветными красками.

Белесая дымка нависла над водой, и было странно наблюдать за тем, как исчезают, постепенно растворяясь в ней, очертания тупоносого речного парохода с названием «Том Сойер».

Правда, марктовеновской реки в том, прежнем, виде уже не существует. Берега сильно застроены, там и здесь возвышаются громоздкие каркасы современных промышленных корпусов. Да и крокодилы, говорят, повывелись.

Люди занимали свои места на нескольких параллельных палубах. Были на пароходе и черные пассажиры. Но они держались обособленными группами, переговаривались меж собой, смеялись, изучали приоткрывающийся их глазам береговой ландшафт. Нью-орлеанское солнце пригревало по-прежнему. Они потягивали через соломинку кока-колу из удлиненных жестяных стаканчиков. Они делали вид, что все в порядке, и на пароходе присутствуют лишь они одни, и им очень весело. Но внешне спокойствие, разлитое на невозмутимых черных лицах, было кажущимся...

Бетонные сооружения, воздвигнутые по обоим берегам, стискивали Миссисипи, а разводы мазута покачивались на мелкой зыби и тускло поблескивали, точно лоскутки запотевшей целлофановой пленки. Мне неожидан-

но представилось лицо Лэнгстона Хьюза, некогда воспетого Миссисипи в удивительных стихах, где ритм перекачивался, как тяжелые валуны, переносимые с места на место прибоем. Я мысленно увидел выразительное лицо моряка с умными глазами, маленькими усиками и открытой улыбкой, смотрящее с хранящейся у меня, слегка выцветшей от времени фотографии, где он изображен стоящим рядом с моим отцом на палубе парохода, только что прибывшего в Ленинград...

Малыш лет пяти, не больше, подбежал ко мне, остановился в ожидании. Его большие голубые глаза усталились на меня. Я не сразу сообразил, в чем дело. Было очень жарко, и я снял с себя куртку и положил ее на свободное сиденье рядом. Из внутреннего кармана выпала игрушка — птичка-свисток, прекрасное изделие наших умельцев-резчиков из Горьковской области.

Я протянул игрушку мальчику. Но прежде чем я успел ощутить свое намерение, послышался короткий, приглушенный окрик его матери.

Белокурый голубоглазый ангел замер в растерянности. Моя рука повисла в воздухе.

— Извините, — проговорила американка, обращаясь ко мне. Малыш исподволь поглядывал то на нее, то на меня.

— Это подарок, — сказал я матери по-английски, все еще не зная, что делать дальше.

— Извините, — ответила она, — благодарю вас. Не надо.

Она как бы отстранялась, растягивая слова и ожидая, когда

приманчивенный ее взглядом сын приблизится к ней.

Что-то ударило в меня и, как тупой выстрел, рассыпалось осколками в ущельях моего существа.

Дымка отчуждения, ранее не замечаемая мною, разрасталась. Лишь теперь я заметил, что по соседству со мной оказалось добропорядочное семейство южан. Не рядом со мной они разместились, а в парходном салоне. Мне почти не было видно их. Но, вне всяких сомнений, это были южане. Похоже, что это добропорядочное семейство совершало путешествие по реке прошлого.

Откуда они? Может быть, из Атланты, столицы штата Джорджия, родины теперешнего президента? Или, может быть, из Техаса?

Я находился на Юге. И Юг временами дышал, как дышит шарахающаяся из стороны в сторону заганная лошадь...

В Нью-Орлеане я забрел на окраину города в один из бедных рабочих кварталов. Отсюда до рассветной маныши огня реклам Канал-стрит было далеко, как до луны. Кирпичные однотипные дома. Дети, играющие на пустыре поблизости. Пыль, свалки мусора, запах автомобильной гари, запустение.

Именно здесь, на Юге, в меня постоянно было ощущение, что война между Севером и Югом еще не окончилась. Она продолжалась в каждодневном противоборстве пробивающегося света и нависающей мглы, робкого человеческого участия и глядевшей исподлобья недоверчивости...

Американский Юг в наши дни

чем-то напоминает огромную территорию, опасную в сейсмическом отношении. Подспудные внезапные толчки возникают то здесь, то там.

Присяжные заседатели, среди которых не будет ни одного темнокожего, однажды, не моргнув глазом, вынесут свой приговор: «виновен». И это будет означать для Бена Чейвиса, руководителя «уилмингтонской десятки» и его единомышленников новое тюремное заключение по сфабрикованному против них делу...

Раздадутся выстрелы в Форт-Уэйне, и опять прольется кровь известного борца за гражданские права негритянского народа Вернона Джордана...

Еще не утихли расовые волнения в Майами, но вот уже донеслась весть о кровавых столкновениях в городе Чаттануга, штате Теннесси, и вот-вот произойдут новые схватки.

И когда-нибудь грянет извержение неистовой народной ярости, отбрасывая прочь тупое беспомощное сидячих демонстраций и неясную какофонию отрешенно поющих и молящихся голосов. И вырвется из чьих-то побелевших от напряжения губ невиданный доселе клич, как новый лозунг, призывающий к борьбе: «Гори, бэби, гори!»...

И вновь за окнами мелькание южноамериканского ландшафта. Мимо проносятся и остаются позади здания старой постройки, витрины лавчонок, парашютные навесы уличных кафе, бензозаправочные станции. Мы находимся в так называемом «черном поясе»...

Атланта — столица штата Джорджия.

Возле нас останавливается молодая американка. На ней кофточка из легкого хлопка и красные вельветовые джинсы. Светлые волосы схвачены узлом чуть ниже затылка. А за спиной у нее привязана сумка — подобие легких веревочных качелей. Ребенок закреплен в ней и перебирает ножками, упираясь кулачками в спину матери...

Атланта. Бросается в глаза, что Атланту прямо наводнили левши. Я сам левша. И уж кому, как не мне, подмечать эту здедную особенность. Киоскер, толстяк в желтой безрукавке, продающий газеты, — левша. Мальчик в сетчатой тенниске и в кремовых шортах, уплетающий сэндвич, — левша.

Даже там, в окошке, — регистрационный работник, пробивающая компостером чьи-то билеты, тоже левша.

Это даже забавно. Своеобразное приключение к лыжущимся со святыхихся телевизионных экранов белозубым улыбкам.

Атланта.

Очень много веснушчатых. Я бы даже сказал, почти все веснушчатые. Прямо как в широкоформатных американских фильмах, где что ни герой, будь он ковбой или нековбой, непременно веснушчат. А иначе, похоже, актера на главную роль и не возьмут.

Американцы — веселые люди. Они улыбаются всегда и даже тогда, когда улыбаться, казалось бы, нечему.

Объявлена посадка. «Боинг» отрывается от земли, и вскоре появляются стюардессы, похо-

жие на манекенщиц. Они скользят по проходу, подталкивая перед собой тележки. На них — виски, martini, сигареты, апельсиновый сок и кока-кола.

Где-то далеко внизу остается Атланта. Как во всяком порядочном американском городе, носящем статус столицы того или иного штата, здесь имеется резиденция губернатора. И как это водится, в особенности на Юге, стены ее и в наши дни увешаны потускневшими от времени рабовладельческими знаменами.

Но в эту минуту я думаю о другом.

Я думаю о местном кладбище, затененном деревьями, расположенном на самой окраине. Там покоится пробитое пулями тело Мартина Лютера Кинга.

В памяти всплывают поэтические строки из стихотворения молодой негритянской поэтессы Сандры:

Летнее время,
но как эта жизнь груба.
Настал сезон возмущенья,
Нам предстоит борьба.
Не думали, что однажды
страна, пробудившись, поймет,
что отныне

бедный
послушный
черный

Дядя Том
мертв.

И еще мне вспомнились слова американской общественной деятельницы Э. Литтл: «Посев веттер расизма, США пожинают бурю расовых волнений». Вся сегодняшняя американская реальность подтверждает эти слова.

Джемс ПАТТЕРСОН.